

Н.С.Хрущев и М.С. Горбачев - два этапа российской реформы

1

Все страны меняются, но по-разному. Одни быстро и сравнительно легко приспособляются к вызовам времени. Другие делают это с натугой, с опозданием, иной раз растягивая назревшие обновления на столетия. Одни идут на перемены охотно, с энтузиазмом, другие отчаянно сопротивляются, словно их волокут на казнь.

Так выглядело дело в конце ХУП - начале ХУШ веков, когда Петр решил "прорубить окно в Европу" и строить свое государство по примеру Англии и Голландии. Для этого ему пришлось подавить стрелецкий бунт, остричь бороды боярам в прямом и переносном смысле, даже осудить на смерть собственного сына, которого вовлекли в заговор против царя-реформатора. Чтобы переделать Россию, ее понадобилось, по выражению Пушкина, "поднять на дыбы". Если не вздернуть на дыбу.

Именно эта страшная и одновременно живописная канва событий дала повод для утверждения, будто косная и патриархальная Русь вообще не поддается нововведениям и неспособна войти в круг передовых наций. Суждение крайне поверхностное, опровергаемое многими выдающимися достижениями нашей страны и в отдаленном, и в недавнем прошлом. Правда состоит в том, что в силу специфики наших условий, - а это и гигантские размеры территории, и многонациональный состав российского общества, и сравнительно позднее по сравнению с другими европейскими нациями вступление на путь промышленного развития, и необходимость многократно отбиваться от нашествий с Востока и Запада, - модернизация страны, ее переход на более высокую ступень технического, экономического, социального и политического прогресса всякий раз нуждались в долгой подготовке. Глубокий смысл имеет поговорка: "Русские медленно запрягают, но быстро едут".

Что может быть самое любопытное: реформы в России всякий раз совершались как бы в два приема или этапа, а если говорить спортивным языком, требовали двух попыток. Каждый российский мессия обязательно должен был иметь своего Иоанна Предтечу, который приступал к преобразованиям, но делал это слишком робко, половинчато, не замахиваясь на устои существовавшего порядка. Но как ни ничтожны были прямые результаты этих попыток вдохнуть новую жизнь в традиционные институты и обычаи, они играли значительную роль в успехе следующего, решающего этапа реформ. Прежде всего тем, что исподволь подготавливали общественное мнение, облегчали принятие новых идей и, главное, готовили когорту соратников будущего

реформатора. А без этих предпосылок его деятельность почти наверняка была бы обречена на неудачу.

Во всем мире популярна могучая фигура Петра Великого. Но только знатокам русской истории известно, что его отец царь Алексей Романов по многим направлениям проторил дорогу своему наследнику. Он посылал молодых дворян в Европу, чтобы, как теперь принято говорить, изучать иностранный опыт. Не только "выписывал" специалистов из-за границы (и до него приглашались итальянские архитекторы строить Кремль), а дал разрешение на постоянное их проживание в Москве - так называемая Немецкая слобода явилась по существу первым шагом России к открытому обществу. Ну а созданное при нем "Уголовное уложение", то есть Кодекс, введший единые принципы правосудия, вполне можно считать зачатком правовой государственности.

Конечно, эти и другие начинания Алексея не идут ни в какое сравнение с грандиозными реформами Петра. Но они облегчили его задачу. Точно так же, спустя столетие крайне робкие реформистские замыслы Александра I, оставшиеся к тому же большей частью на бумаге, помогли другому царю-реформатору Александру II решить свою задачу и покончить с крепостничеством.

Приступал к реформам и Николай II, свидетельством чего служит хотя бы создание Государственной Думы. Но вместо того, чтобы согласиться на учреждение действительно конституционной монархии и представительного народного правления, царь попытался восстановить самодержавие. А второй попытки довести до завершения реформу история на сей раз династии Романовых не предоставила. За отказ провести глубокие структурные преобразования пришлось расплачиваться революцией.

В связи с тем, что эти ключевые понятия трактуются по-разному, следует сказать, что именно мы имеем в виду под тем и другим. Согласно традиции, восходившей к сталинскому учебнику по истории ВКП(б), революция - это глубокий общественный переворот, в результате которого происходит смена производственных отношений и приходит к власти другой класс. А реформа - это всего лишь изменения, более или менее крупные, в рамках одного и того же строя. Между тем, истории известны множество случаев, когда реформы приводили к коренному изменению общественных отношений, а революции, напротив, сводились к верхушечным переворотам, не задевали общественных и государственных устоев.

Гораздо плодотворнее и ближе к истине понимание революции как насильственного изменения тех или иных общественных порядков, а реформы - как способа сделать то же самое мерами политическими, экономическими, социальными. Революции всегда совершаются снизу, реформы, напротив, - сверху. Что же до

глубины перемен, тот и другой методы мало чем отличаются. Революция начинается с насильственного захвата власти вновь пришедшими социальными группами или лицами. Но и реформа в конечном счете ведет к тому же - только постепенно и ненасильственно. Революции могут повлечь радикальные преобразования во всех сферах общественной жизни, но могут быть и верхушечными. Примерно то же можно сказать и о реформах: они бывают частными, затрагивают отдельные звенья государственного механизма, а могут быть структурными, как их принято называть, которые завершаются той же сменой строя и правящей элиты.

Если смотреть на вещи так, отпадают основания для филиппик по адресу революций. В последнее время их у нас трактуют не иначе как аномалию, печальный излом в общественном развитии. Как в прошлом было принято восхвалять Октябрьскую революцию, так теперь ее предают анафеме, объявляют национальным несчастьем, приговорают ее участников к позорному столбу.

Это, увы, проявление человеческой глупости. Хотя бы потому, что нельзя судить историю по принципу, нравится она нам или нет. Важно другое: Октябрьская революция стояла у истоков мощных социально-политических движений, которые преобразили мир в XX столетии. И если уж записывать на ее счет беды, пережитые нашей страной и миром, то по справедливости следует записать сюда же и многие выдающиеся достижения. 73-летнее существование Советской власти обогатило цивилизацию двумя выводами непреходящего значения. Первый состоит в необходимости соблюдать рациональный баланс между государственным регулированием и частной инициативой, свободой и равенством между принципами либерализма и социализма. А второй заключается в том, что в век высоких технологий, информатики и коммуникаций тоталитарные и даже авторитарные системы неизбежно оказываются неконкурентоспособными. Казалось бы, простые истины, которые можно найти в сочинениях светил политической мысли. Но одно дело теория, а другое практика. Теперь эти истины перестали быть аксиомами, приобрели характер политических теорем.

И еще одну политическую теорему можно вывести из нашего опыта: политический лидер, рискнувший связать свою судьбу с решением той или иной демократической задачи, не должен рассчитывать на благодарность соотечественников. В отличие от "героических" вождей, с именами которых связывают победу на войне, приращение территории и иные славные деяния, реформатор-демократ обречен на непонимание и забвение. В лучшем случае его заслуги перед Отечеством находят скромное признание спустя два-три десятилетия.

Именно такая участь выпала на долю реформаторского "тангема" Хрущев-Горбачев. Оба они решают в сущности одну и ту же историческую задачу - ликвидировать тоталитарную систему, демократизировать страну и интегрировать ее в мировое сообщество, устранив раскол мира на соперничающие военно-политические блоки. Только формулирует эту задачу каждый по-своему, а главное - действует иными методами и с разной степенью решимости. Объясняются эти и другие различия несколькими причинами.

2

Прежде всего, духом времени. Отстранение Хрущева от власти и приход к ней Горбачева разделяет 21 год. Восстановив за эти годы практически все ключевые институты сталинской системы, Брежнев не покусился лишь на отказ от массовых репрессий. Это было серое, бездарное, но не жестокое правление. Даже своих политических противников генсек не казнил и не гноил в тюрьмах, а подвергал остракизму, если речь шла о "диссидентах" А.Д.Сахарове и А.И.Солженицыне, смутьянов же из рядов партноменклатуры выпроваживал в послы или провинцию. Страх оставался одной из опор системы, но уже не было того леденящего ужаса, какой существовал при Сталине. К тому же, выдвинув концепцию разрядки напряженности и втянувшись в европейский процесс, режим вынужден был, если не раздвинуть, то чуть приподнять железный занавес. Резко возросли выезды советских людей за границу, а оттуда стала проникать запретная литература. Глушение радиопередач уже не перекрывало доступ информации о реальном положении дел в стране, о нашем растущем отставании от Запада по уровню жизни, качеству техники. Тревожные признаки упадка не только обсуждались на различных закрытых совещаниях, но и становились предметом дискуссий в научных учреждениях, сведения на этот счет изредка прорывались и в открытую прессу.

Принципиальную разницу в общественной атмосфере и господствующем настроении можно выразить очень лаконично: к середине 80-х годов вся сознательная часть общества жаждала перемен и с нетерпением ждала прихода нового лидера, который круто повернет руль государственного корабля, в то время как в 1953 году общество, напротив, не было готово к сколько-нибудь радикальному повороту. Разоблачение репрессий, по сути дела осуждение сталинизма явилось для него ошеломляющей неожиданностью. В этом смысле Хрущеву было несравненно труднее отважиться на свой первый реформаторский или, если хотите, революционный шаг. Он атаковал крепость тоталитарной системы почти как Дон Кихот обрушился на мельницы. И если не разбил при этом головы, то только потому, что делал это не снаружи, а изнутри, притом занимая пост "начальника гарнизона".

Другое принципиальное различие между двумя этапами российской реформы заключается в том, что *Хрущев пришел к власти, когда прежняя система сохраняла большой запас прочности и была достаточно эффективной, а Горбачев принял ее на излете, испускавшей дух.*

Об этом забывают многие критики Хрущева, упрекающие его за половинчатость, за то, что он не собирался ломать устоев системы. Причину этого видят в узости его взглядов, слепой вере в постулаты марксизма-ленинизма в сталинской интерпретации. Все это, безусловно, имело место. Но давайте спросим себя: а почему он должен был покушаться на основы системы, если она оставалась вполне работоспособной с практической точки зрения? Больше того, если быть справедливыми, нужно признать, что первые послевоенные годы ознаменовались "русским чудом", совершенным раньше японского, германского и других общепризнанных послевоенных "чудес".

В самом деле, в считанные годы после войны в Советском Союзе были отстроены заново разрушенные дотла Севастополь, Минск, Сталинград, десятки других городов и тысячи поселков. А дворцы в Ленинграде, рожденные вторично во всем блеске и величии. А отстроенный в рекордные сроки ДнепроГЭС, множество других промышленных предприятий. А первая в мире атомная электростанция, ледокол, спутник. Все это символизировало вступление страны в новый этап развития, когда, казалось, мы лихо обойдем топчущийся на месте и погрязший в пороках капиталистический мир, на космических скоростях ворвемся в царство всеобщего изобилия и благоденствия. На этих посылах и была построена хрущевская семилетка, этим пафосом проникнута новая Программа КПСС, завершавшаяся обещанием, что нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме. &

Стоит напомнить, что в то время и Запад находился в состоянии растерянности перед явными достижениями Советского Союза. Тогда ведь там с завистью говорили о превосходстве советской системы народного образования, высоко оценивали всеобщее медицинское обслуживание населения, примерялись перенять некоторые институты социального обеспечения, ставшие впоследствии неотъемлемым элементом так называемого государства благоденствия.

Словом, у Хрущева были основания верить в то, что, опережая Америку по темпам роста, мы сумеем в конце концов догнать фермера из Айовы и по надоям молока. Но жизнь преподнесла ему и всем нам жестокий урок. То, что принималось за начало нового взлета в советской экономике, явилось в действительности *последним достижением предыдущего этапа*, высшей его точкой, после которой начался спуск.

Правда, это обнаружилось не сразу. На 60-е годы пришелся полет Гагарина. Были поставлены мировые рекорды в добыче угля, нефти, металла. Советские хоккеисты и легкоатлеты царили на мировых чемпионатах, а балет Большого театра оставался недостижимой вершиной этого благородного искусства. Но все это были остаточные всплески "советского чуда". Повсюду множились зловещие признаки упадка, названного потом застоем. Сначала мы утратили первенство в космосе - не сумели (сделали вид, что не захотели) повторить экспедицию на Луну. За этим болезненным ударом по самолюбию державы, считавшей себя знаменосцем прогресса, последовало поражение на главном его направлении - компьютеризации. Наша индустрия оказалась не в состоянии овладеть этой тонкой материей и обозначившееся здесь отставание вскоре сказалось на общем уровне производства и быта. Уже в 70-е годы практически все изготавливаемые у нас технические изделия от авторучек и электробритв до автомобилей и самолетов уступали зарубежным образцам. Наконец, дошло до того, что мы оказались вообще неспособны производить некоторые новинки - видеомэганитофоны и камеры, сложные медицинские приборы, измерительную аппаратуру и др. ,

Все эти прорехи до поры до времени пропаганда искусно скрывала от общественного мнения. Руководство не придавало им особого значения, вдохновляясь тем, что в вооружениях мы "на уровне". Забеспокоились только тогда; когда выяснилось, что общая отсталость стала сказываться и на качестве оружия. Тогда заговорили об исчерпании экстенсивного фактора роста, необходимости усилить стимулирование труда, вернулись к идее экономической реформы. Но дряхлые лидеры не находили в себе ни сил, ни отваги взяться за глубокие преобразования. Эта жизненно важная для страны задача была отложена на годы, пока судьба не привела на пост Генерального секретаря ЦК КПСС Михаила Горбачева.

Из этого краткого экскурса в прошлое напрашивается серьезнейший вопрос: почему так быстро иссякло, оборвалось "советское чудо"? Ведь экономические отношения, несмотря на эксперименты Хрущева, остались без изменений. Сохранилась почти в нетронутом виде политическая система. Незыблемой осталась идеология, если не считать нескольких поправок, вроде тезиса о том, что на смену диктатуре пролетариата пришло общенародное государство при сохранении руководящей роли рабочего класса. Не то что институты - не претерпел особых изменений даже личный состав властвующей элиты. Добрые две трети ее продолжали занимать те же кабинеты, что и при Сталине. Ну а что касается стимулирования труда, то хуже с этим не стало, напротив, жизненный уровень в стране, хотя и медленно, шел на повышение.

Может быть, причины нашего срыва лежат вовне? Есть и такое объяснение: на Западе раньше нас поняли необходимость глубокой структурной перестройки экономики на основе новых технологий, быстро провернули это дело в конце 60-х - начале 70-х годов и резво помчались вперед, оставив позади неповоротливую, косную, туго поддающуюся инновациям тоталитарную систему.

Что ж, в этом, несомненно, есть большая доля правды. Наша экономика оказалась неконкурентоспособной не только из-за своей специфики, но также и потому, что на "той стороне" оказались наиболее развитые традиционные страны, там совершались девять десятых открытий и изобретений, создавался рынок современных технологий, от которого мы были практически отсечены.

Но и это не дает ответа на поставленный вопрос. Ведь экономическое и технологическое отставание от Запада не равнозначно стагнации, застою, загниванию. В конце концов мы могли двигаться намного медленнее, но двигаться. Между тем темпы роста промышленности затухали, из года в год приходилось закупать все больше хлеба за границей, полки в магазинах пустели, люди тратили в очередях все больше времени. На исходе были возможности кормить страну за счет нефти и газа, стремительно дешевевших на мировом рынке.

Что же остается? Остается предположить, что *конец послевоенного советского чуда связан наряду с объективными факторами с кончиной Сталина*. Предвижу непонимание, раздражение и даже возмущение у людей, демократически настроенных, вдобавок воспитанных на том, что роль личности в истории ограничена объективными обстоятельствами. Но следует оставить эмоции в стороне и попытаться понять особенность существовавшей у нас политической системы. Сказать о ней "тоталитарная", значит ничего не сказать, потому что существует множество разновидностей тоталитаризма, авторитаризма, коллегиальных и личных диктатур. Та, что существовала у нас в послеленинский период, была в полном смысле этого слова уникальной, не имела аналогов в прошлом. Она стояла на двух китах - во-первых, на покорности граждан перед государством и, во-вторых, на абсолютной вере большинства в справедливость режима, олицетворявшегося вождем. Эта система была создана Сталиным, он был в ней не просто лидером, которого можно заменить, а ее ключевым элементом, кощеевым духом. Как только его не стало, эффективность системы упала на несколько порядков. Распахнув ворота Гулага и развенчав культ личности Сталина, Хрущев дал обществу глоток свободы, но не отважился довести до конца начатую реформу, посягнуть на сами устои сталинской системы. *А деспотия без деспота не работает.*

Теперь еще об одной весьма существенной разнице между "двумя этапами*" российской реформы. Всякая революция в начале и всякая реформа в конце отстраняет от власти господствовавший класс (по Марксу) или правящую элиту (по Моску и Парето). Успех или неудача определяются соотношением сил борющихся политических партий и стоящих за ними социальных движений, способностью защитников старой системы или ее противников привлечь на свою сторону если не большинство общества, то хотя бы активную его часть.

Так вот, с этой точки зрения Хрущеву пришлось иметь дело с гораздо более мощным "сопротивлением материала". Номенклатура крепко сидела в седле и не помышляла отказываться от мандата, переданного ей по наследству в вечное пользование большевиками. Она без восторга приняла доклад Хрущева на XX съезде - у кое-кого в ее рядах наверняка был соблазн тут же отстранить от власти нового лидера. Но большинство все-таки решило, что игра не стоит свеч. В какой-то мере Маленков, Молотов и другие коллеги Хрущева разделяли его чувства по отношению к Сталину, были не прочь избавиться от слепой покорности и страха, который продолжал внушать им уже покойный генералиссимус. Кроме того, критика культа личности отделяла руководство от бывшего вождя, служила своего рода индульгенцией за грех участия в преступлениях режима.

Не могли они не считаться с тем, что после шока, вызванного разоблачениями XX съезда, первый секретарь получил сильную поддержку интеллигенции, а в личном плане смог опереться на Г.К.Жукова с его непререкаемым авторитетом в армии и народе. Несколько позднее старая гвардия все-таки попыталась дать бой реформатору, но допустила явный просчет в оценке соотношения сил и была разгромлена.

Хрущев на какое-то время получил от обновленной им же самим номенклатуры "ясак" на правление. Однако для этого ему пришлось взять на себя обязательство не переступить определенной черты в своих реформаторских порывах. Неомраченное дворцовыми переворотами самодержавие первого секретаря началось фактически только после того, как он разогнал бунтарскую партийную организацию Института физических проблем Академии наук, заявил, что "Сталина мы никому не отдадим" и, особенно, подавил венгерское восстание 1956 года. Эти и некоторые другие акции того же рода были приняты правящей коммунистической элитой за гарантию того, что реформы будут осуществляться в "разумных размерах" и не затронут ее господствующего статуса.

Так Хрущев, реагируя на "сопротивление материала", поступил по формуле "шаг вперед, полшага назад". В этом плане Горбачев находился в более благоприятном

положении, по крайней мере, поначалу. Дело не только в том, что в верхнем слое партии и государства сформировалось убеждение в необходимости серьезных перемен. Не менее важно, что за почти два десятка лет правления Брежнева этот слой изрядно одряхлел. Выдвинув лозунг стабильности кадров, Брежнев дал понять первым секретарям партийных организаций республик и обкомов, министрам, маршалам и генералам, руководителям общественных организаций и творческих союзов, что они могут занимать свои места до того момента, пока их призовет к себе Господь.

Подразумевалось, что то же самое относится к самому Леониду Ильичу. Это молчаливое соглашение неукоснительно соблюдалось, и к приходу Горбачева в составе ЦК преобладали пенсионеры, а средний возраст членов Политбюро перевалил за семьдесят. В большинстве своем эти люди были настроены спокойно доживать свой век. Как ни велико было желание остановить зарвавшегося, по их мнению, молодого генсека, но каждый при этом побаивался включаться в борьбу с непредсказуемым исходом, угрозой лишиться приличной зарплаты и пенсии, лечения в закрытой поликлинике, отдыха на шикарных курортах и т.д.

Этим, относительно слабым "сопротивлением материала" объясняется то, что Политбюро и Центральный Комитет единодушно одобряли практически все далеко идущие инициативы Горбачева и освятили официальным авторитетом партии такие революционные идеи, как гражданское общество, правовое государство, свобода прессы, идейный и политический плюрализм. "Бунт на корабле" начался лишь под занавес, да и то, XXУШ съезд одобрил весьма оппортунистическую, с точки зрения канонов марксизма-ленинизма, платформу, а июльский Пленум ЦК в 1991 году принял, слегка покорежив, вполне социал-демократический проект Программы КПСС. Отважившись на открытое выступление в августе и почти тут же сдавшись, вожаки номенклатуры лишней раз продемонстрировали, что этот слой исторически вышел в тираж. Своей неуклюжей эскападой гекачеписты лишь сыграли на руку правым радикалам и помогли перевести события в стране из рула пусть трудных, но все же демократических реформ, в руло революционных встрясок, государственных переворотов, беспощадной борьбы за власть между группировками новой и старой элиты.

Наконец, о различии личности реформаторов. У них немало сходных черт - оба происходят из одной и той же крестьянской среды, с малых лет приучены своим трудом добывать кусок хлеба. Обоим в высокой степени присущ здравый смысл, способность ставить практические нужды выше отвлеченных теоретически догм. Народная мудрость и мужицкая хитрость, тактическая изворотливость и политический

романтизм, простота и открытость в общении с людьми - все это почти в равной мере присуще тому и другому.

Вместе с тем между ними колоссальная разница, проистекающая из различного уровня культуры. И дело тут не только в том, что Хрущев окончил Промышленную академию, а Горбачев - Московский университет (хотя формально то и другое считается высшим образованием, качественная разница между ними очевидна). Гораздо важнее "достоинства диплома" способность аккумулировать знания, благодаря которой на определенном этапе происходит, если можно так выразиться, переход в новое качество. Оба наших реформатора - натуры богато одаренные, но Хрущев все-таки представляет на "престоле" крестьянство, а Горбачев - интеллигенцию

Это различие обнаруживается прежде всего в вопросах культуры.

Способность политического "дальнегомыслия" сочетается у Хрущева с примитивным художественным вкусом. Не берусь судить, насколько повинны обстоятельства его детства и юности, но факт заключается в том, что он не имел ни сколько-нибудь основательных познаний, ни особого интереса к серьезной музыке и живописи, не слишком разбирался в вопросах философии, истории, юриспруденции. Не в обиду памяти этого замечательного человека будь сказано, но именно малокультурье было причиной его неприличного поведения на сессии Генеральной Ассамблеи ООН, безобразной отповеди художникам и писателям по поводу якобы идеологических вывертов в их творчестве, грубых окриков и разносов, которые он, по свидетельству очевидцев, нередко допускал в отношении подчиненных.

В конце концов сами художники (Э.Неизвестный, А.Вознесенский) простили ему этот грех, призывая помнить лишь о том хорошем, что от него исходило¹. Но забывать об этом нельзя как раз потому, что низкая общая культура неизбежно сказывается на содержании и стиле управления, чему мы являемся свидетелями на примере нынешнего президента России.

Что касается Горбачева, его духовный мир складывался под воздействием иной социальной среды. Жадный до чтения, любознательный, восприимчивый к искусству, он со студенческой скамьи стремился устранить естественное неравенство крестьянского сына в сравнении с юными горожанами. И добился этого, напряженно

¹ По справедливому замечанию Роя Медведева, "Только тот факт, что в годы его власти было реабилитировано, пусть в большинстве случаев и посмертно, около 20 млн. человек, лишь этот факт перевесит все недостатки и ошибки Хрущева". Рой Медведев. Н.С.Хрущев. Политическая биография. Москва, "Книга", 1990, с.303.

работая над собой. По его признанию, важную роль сыграла здесь Раиса Максимовна, прививавшая мужу любовь к опере и симфонической музыке, литературной классике.

В сравнительно молодом возрасте войдя в состав политической элиты, Горбачев в полной мере использовал возможность общения с незаурядными людьми - писателями, музыкантами, художниками, архитекторами, учеными. Оставляя в стороне все" другие его качества, после Ленина это был самый образованный руководитель Советского государства.

Мое личное наблюдение. За пять лет тесного общения с Михаилом Сергеевичем ни разу не видел его кричащим на кого-либо. Разгорячась, он может в запальчивости сказать и резкие, обидные слова, но никогда не оскорбит человека, даже яркого своего противника.

Сколь много ни значила бы общая культура, все-таки для политического лидера главное - выношенная им идея цели правления и те принципы, которые он кладет в основу своего курса. При всей разности обстоятельств и характеров, Горбачев в этом отношении "продолжает" Хрущева. Рискну предположить, что если бы Никита Сергеевич имел возможность вернуться к власти, то после всего пережитого и передуманного он пошел бы гораздо дальше своих первоначальных замыслов в отношении политической реформы.

Но это - гипотеза.

4.

В Уголовном праве важное значение придается мотиву поступка. Действовал человек преднамеренно или непреднамеренно - от этого в большой мере зависит приговор. Иное дело суд истории. Для нее важно не столько намерение, сколько результат действий. Что думал политический лидер, чего хотел, почему поступил так, а не иначе - все это, разумеется, должно приниматься во внимание. Дотошные биографы уделяют побуждениям не меньшее, а порой и большее внимание, чем поступкам. Но это, так сказать, для любознательных. В памяти же народной остаются не помыслы, а дела.

С этой точки зрения самым важным деянием Хрущева явилось *раскрепощение общественного сознания*. Своим обличением культа Сталина он развенчал саму идею абсолютной власти и поднял народ, стоявший перед ней на коленях. Одним из устоев самодержавия и безграничной власти генсеков была вера в их праведность. Но если публично, официально объявляют, что "богдыхан" виновен в тяжких преступлениях, то уже не остается места слепому поклонению перед троном.

Что же касается намерений, то, разумеется, Хрущев никоим образом не собирався распространить сокрушительную критику сталинских репрессий на всю деятельность генералиссимуса и тем более на систему. Как только появились первые признаки такого толкования, были приняты немедленные меры, чтобы остановить надвигавшуюся лавину разоблачений. Борис Николаевич Пономарев - бывший заведующий Международным отделом - рассказывал, как по поручению Политбюро на даче Горького по Рублевскому шоссе в спешном порядке готовили проект решения ЦК о культе личности. Его основная мысль состояла, как известно, в том, что ошибки Сталина ни в коем случае нельзя распространять на систему - она работала вполне нормально, только достижения страны и народа могли бы быть значительней, если бы в полной мере соблюдались ленинские заветы.

Таким образом, систему попытались заслонить от критики учением и образом ее основателя. Но это была уже попытка с негодными средствами. У мыслящих людей, разбуженных XX съездом, началась собственная работа головы. Как могло быть, что один вождь стал организатором репрессий, а его ближайшие сподвижники ничем не замараны, почему партия не подняла голос протеста против нарушений ленинских принципов партийной и государственной жизни? Задавая эти и другие вопросы, люди сопоставляли услышанное в докладе Хрущева с окружающей действительностью, черпали дополнительную информацию из многочисленных статей, хлынувших на страницы печати после того, как была поднята, пусть на короткое время, плотина жесточайшей цензуры. К тому же, в страну начали просачиваться печатные материалы из-за рубежа, и если у "благонамеренных" граждан сохранялся иммунитет в отношении антикоммунистических изданий, совсем иное впечатление производили критические размышления столпов комдвижения, например, знаменитая записка Тольятти.

Словом, как ни старалось тогдашнее руководство поставить предел свободомыслию, процесс, как любит говорить Горбачев, пошел. И несмотря на явное ухудшение политической атмосферы к концу правления Хрущева, внесенный им дух вольности и критицизма сохранялся, поскольку сам Первый секретарь с его стойким антисталинизмом был гарантом против реставрации прежнего идеологического порядка. Если бы Горбачев непосредственно ему наследовал, *если бы второй и первый этапы российской реформации слились в одно целое, страна, вероятно, уже находилась бы в своем демократическом развитии на рубеже, какого достигнет разве что во втором десятилетии будущего столетия.*

Увы, судьба распорядилась так, что между Горбачевым и Хрущевым "вклинился" Брежнев. За 18 лет его правления были сведены к нулю многие благотворные последствия "оттепели". Главное - в значительной мере восстановлен

тотальный идеологический контроль над умами. Но и этому режиму, который правильнее называть не периодом застоя, а периодом реставрации, не удалось до конца выкорчевать дух вольнолюбия. Его лишь сумели загнать в ограниченное пространство творческой интеллигенции и следили за тем, чтобы "инфекция" оттуда не прорвалась к широкой массе. Это более или менее удавалось до 1985 года и, придя к руководству, Горбачев вынужден был по сути дела вторично начинать с того же, с чего начал Хрущев - с раскрепощения общественного сознания.

Но сам подход при этом иной, планка поднимается намного выше. Речь идет уже не о возврате к критике сталинизма, а о попытке честного и серьезного анализа системы во всех ее метаморфозах. Только на Ленина еще не посягают, но целью реформ объявляется уже не простое восстановление ленинских принципов и возврат к чистоте помыслов революционной эпохи, а развитие народного самоуправления. Впрочем, очень скоро и эти эвфемизмы отбрасываются. Целью перестройки объявляются демонтаж тоталитарной системы, создание гражданского общества и правового государства, признаются свобода совести, право исповедывать любые политические взгляды и присягать любой идеологии. Узы с общественного сознания сняты окончательно, теперь оно должно приобрести зрелость саморазвитием, а до той поры мечется в поисках новых богов и кумиров.

Сознание сознанием, а конкретные результаты политической реформы оцениваются, главным образом, по структурным изменениям политического и государственного механизма. В этом плане достижения Хрущева не слишком велики. Наиболее важным его нововведением явился записанный в Устав КПСС запрет занимать руководящие должности более двух сроков подряд. Не говоря уже о том, что Никита Сергеевич не удержался от соблазна сделать поблажку самому себе (внесение поправки о возможности избрания на третий срок в особых случаях), это правило так и не было внедрено на практике. Старые аппаратчики или выдвиненцы самого Хрущева преспокойненько сидели в своих креслах, будучи к тому же уверенными, что если им грозит перемещение, то без потери материальных благ и общественного статуса - из первых секретарей в послы, из послов в министры, из министров в руководителей профсоюзов или Союза дружбы, Комитета борьбы за мир и т.д.

Следует признать, что кадровая политика явилась ахилесовой пятой обоих наших реформаторов. И тот и другой были слишком многими нитями связаны с номенклатурной средой, чтобы отодвинуть ее от себя, вырваться из ее объятий. Их человеческим качествам делает честь простодушное доверие к друзьям-товарищам, с которыми бок о бок пройден долгий путь партийной карьеры. Но подобное

человеколюбие и чувство товарищества становится обузой для политического деятеля, особенно реформатора.

Хрущев явно переоценил меру личной преданности когорты выдвинутых им руководителей. Но претензии к ним могут быть предъявлены только за то, что воспользовались отпуском лидера, чтобы сместить его. Впрочем, скажи они ему прямо, что пора уходить, неизвестно кому пришлось бы отсиживаться на даче. Что же касается существа дела, то следует признать, что к 64-му году и реформаторский запал, и оперативные способности руководить страной были у Никиты Сергеевича исчерпаны. В принципе, ему самому следовало уйти в отставку, уступив место сильному лидеру, способному продолжить линию XX съезда. Но, увы, - вот ирония истории! - ведь Хрущев фактически предопределил себе в наследники именно Брежнева, возвысив его до высшего поста в государстве.

Еще большей трагедией переоценка соратников обернулась для Горбачева. Отпуск, юг, роль КГБ - все эти детективные подробности позволяют проводить параллели с 1964-м годом. Но при поверхностном сходстве сюжет переворота 91-го года разительно отличался от того, что произошло 27 лет назад. Тогда реформы были на последнем издыхании и номенклатурная верхушка убрала ставшего ей неудобным правителя. В августе же 91-го речь шла о покушении не только на президента, но прежде всего на реформацию. В 1964 г. действовали непорядочно, но не нарушая закона, в 1991-м имело место государственное преступление.

Продолжая сопоставление, укажем на то, что Хрущев практически не ввел никаких новшеств в структуру основных государственных институтов. Верховный Совет по-прежнему оставался парадным учреждением, депутаты тщательно подбирались в организационно-партийном отделе ЦК. Выступления им либо писались там же, либо строго цензурировались. Оставалась практически нетронутой система правосудия и пенитенциарных учреждений. Грандиозная операция по реабилитации миллионов людей проводилась без структурных преобразований, посредством политических решений и организационных мероприятий.

В этих вопросах на "втором этапе реформы" пришлось начинать по существу с нуля. Политическая система, доставшаяся в наследство Горбачеву, была не хрущевской и не брежневской, а сталинской. Убедившись, что экономические реформы не пойдут без ее преобразования, Горбачев в кратчайший исторический срок (всего 9 месяцев отделяют XIX партийную конференцию от 1 съезда народных депутатов СССР) провел первые свободные выборы и создал действующий парламент. В отличие от Хрущева, который поторопился подавить оппозицию, едва только она о себе заявила, Горбачев сознательно ее формировал и легализовал. Именно в этом он

уже не продолжал реформы Хрущева, остававшиеся в рамках прежней системы, а шел намного дальше, порывая со старым порядком.

То же самое справедливо в отношении формы государственного устройства. Хрущеву с первых же шагов своей деятельности пришлось столкнуться с сепаратистской тенденцией. Это было неизбежно. В наших условиях всякая самокритика центральной власти дает шанс республикам и регионам вырвать у нее побольше прав. Очевидно, это не отвечало расчетам Хрущева, хотя он понимал необходимость децентрализации управления экономикой, о чем свидетельствует создание совнархозов. Во всяком случае была выдвинута формула "повышения самостоятельности республик", им дали некоторую свободу рук, которую Брежнев поспешил у них отобрать.

Реформация Горбачева породила намного более сильную волну сепаратизма. Но смертельный удар Советскому Союзу был нанесен не в августе и даже не в декабре 1991 года. Обе эти даты стали лишь завершением болезни, у истоков которой Декларация независимости России. Приняв ее, Верховный Совет РСФСР по существу пригласил другие республики сделать то же самое. Отчаянная борьба Горбачева за сохранение Союза, преобразованного в реальную Федерацию или даже конфедерацию, завершилась поражением.

И сходство, и различие "двух этапов" российской реформы, пожалуй, отчетливее всего можно проследить на примере свободы печати. Нет нужды говорить, что это - первое условие всякого демократического устройства. Там, где она есть, тоталитаризм невозможен.

Хрущев совершил настоящий прорыв в плотной цензурной завесе, окутывавшей наше общество и ограждавшей людей от всякого рода нежелательных, с точки зрения власти, идейных воздействий. Был снят запрет с "опальных" произведений отечественной классики (например, "Бесы" Достоевского, "Мастер и Маргарита" Булгакова). После долгого перерыва вернулись к читателю великие историки государства российского - Карамзин, Соловьев, Ключевский. По радио и телевидению стала передаваться более или менее достоверная информация о событиях в мире. Был снят запрет на показ некоторых фильмов, лежавших на полках Госкино ("Иван Грозный", "Большая жизнь" и др.). Поступил в публичный оборот ряд секретных в прошлом документов из истории партии. Приоткрылись архивы.

Но именно приоткрылись. Это была не более чем щель, через которую зрителю показывали тот фрагмент действительности, какой, по мнению агитпропа, можно было продемонстрировать без особого ущерба для системы. Впрочем, все относительно. Творческая интеллигенция, ворчавшая на выборочный характер свободы слова в годы

правления Хрущева, по-настоящему оценила эту свободу лишь после того, как новый генсек покончил с этими вольностями. Лишь через 20 лет наши люди получили свободный доступ к информации и возможность открыто выражать свое мнение. Любой беспристрастный наблюдатель должен признать, что в истории страны годы 1988-1991 стали периодом самой неограниченной политической свободы.

Наконец, о милитаризме. Ни экономическая, ни политическая реформы в Советском Союзе были невозможны без сокращения военных расходов до необходимого минимума. А это, в свою очередь, требовало установления нового *modus vivendi* в отношениях с США и другими западными странами. Хрущев и его советники поставили и в общем решили эту задачу. Нельзя согласиться с теми отечественными и зарубежными исследователями, которые считают внешнюю политику Хрущева цепью сплошных импровизаций и авантюр. В историческом плане она помогла миру продержаться без особых катаклизмов до середины 80-х годов.

Беда, однако, в том, что в правление Брежнева были в значительной мере утрачены те предпосылки к нормализации международных отношений, которые сложились при Хрущеве. Мне могут возразить. Как же так, с одной стороны, известные "выходки" Никиты Сергеевича, импульсивный срыв советско-американского диалога, с другой - внушительные миролюбивые инициативы 70-х годов, включающие такие реальные достижения, как старт общеевропейского процесса, заключение Московского договора с ФРГ, подписание соглашения о сокращении стратегических ядерных вооружений с США и т.д.

Канва событий действительно такова. Но гораздо важнее то, что при взбалмошном Хрущеве предпринимались попытки обуздать милитаризм, переключая средства на Мирные нужды, а при "миротворце" Брежневе наши военные расходы достигли умопомрачительных размеров - до 40 процентов национального дохода.

Как формулой хрущевских реформ была "оттепель плюс разрядка международной напряженности", так формулой горбачевских реформ стала "перестройка плюс новое мышление". Второй этап российской реформы положил конец и холодной войне.

Наконец, о самом важном в наших условиях элементе политической системы – монопольном господстве коммунистической партии. Казалось бы, Хрущев, не посягнувший на структуру государственности, тем более не мог и помышлять о какой-либо новой роли для КПСС. Как правоверный ленинец, он вполне разделял мнение основоположника, что "ни один вопрос не должен решаться у нас без ведома ЦК партии".

Честно говоря, не стоило бы затевать разговор на эту тему, если бы не гипотеза, выдвинутая М.С.Горбачевым на встрече в Москве, посвященной столетию Н.С.Хрущева. Он высказал предположение, что одной из целей проведенного Хрущевым разделения местных партийных органов на сельские и городские райкомы было создать реальные предпосылки для критики. Нечто вроде варианта многопартийной системы; по крайней мере, двухпартийной, как в США. Если действительно были таковы его намерения, то это значительно укрупняет фигуру Хрущева как реформатора. Пусть таким странным, непонятым ни у нас, ни где-либо в мире способом, но он решился обойти непреложный для ВКП(б) - КПСС запрет на фракционность, чтобы оживить внутреннюю жизнь партии, избавить ее от затхлой, мертвящей атмосферы, связанной с монопольным господством.

Таким образом, по всем основным компонентам политической реформы, в которой жизненно нуждалась страна (свобода слова, действительное, а не мнимое избирательное право, создание парламента и реальное самоуправление, опять-таки действительный, а не мнимый федерализм, демилитаризация государства и демонополизация политической власти), реформы Хрущева носили робкий характер, не оставили сколько-нибудь глубоких последствий в политической жизни и потому были почти без остатка "съедены" брежневской реставрацией. Нельзя даже назвать их половинчатыми, скорее, это были даже не реформы во всем объеме этого понятия, а импровизация по методу "проб и ошибок" без какой-либо общей генеральной идеи и, тем более, продуманного плана.

Горбачева также многие упрекают в том, что перестройка была начата без ясной программы. Это неверно. Известная непродуманность, случайность в выборе точек приложения сил действительно имела место в первые три года после прихода Горбачева к руководству партией и страной. Но это как раз связано с тем, что поначалу предполагалось радикально поправить дела в экономике, а уж потом браться за обновление политических институтов. Убедившись, что такая очередность не приносит должных результатов, Горбачев взялся за политическую реформу и начал как раз с составления программы. Ею стали тезисы к XIX общепартийной конференции, решения XXУШ съезда, наконец, если иметь в виду дальнесрочную стратегию - новый проект программы КПСС, одобренный июльским Пленумом Центрального Комитета.

Так что программа была, другой вопрос, насколько она отвечала условиям развития страны и почему было сорвано ее выполнение.

В заключение отметим, что противоречивость политики Н.С.Хрущева и незавершенность начатых им реформ объясняются не только складом его личности и не только "сопротивлением материала", но и *внутренним раздвоением национального*

сознания России - между идеей державности, величия государства и идеей народного блага.

Подобное раздвоение наложило отпечаток на всю деятельность Хрущева. Он попытался гуманизировать политику, повернуть ее лицом к человеку, но в этом стремлении сам себя постоянно одергивал. Едва только этот выходец из народа берется раскрепостить деревню, как самодержец всероссийский хватает его за фалды и тащит к новым формам коллективизации, облегчающим государственный контроль. Стоит реформатору дать обществу глоток свободы, узаконить рудиментарные демократические институты, как охранитель торопится их отобрать. Доктринер в нем то и дело побеждает прагматика, догматик - ревизиониста, ретроград - новатора. Почти по всему спектру общественных проблем - экономика, культура, идеология, быт и т.д. - он раздирается между идеями державности и народного блага.

В меньшей степени свойственно это раздвоение Горбачеву, но и он от него не избавлен. Это противоречие было и остается главной проблемой российских реформ. Их успех в решающей мере зависит от нахождения *оптимального соотношения между государством и обществом*. Государство необходимо во всех странах, тут нет вопроса. В России оно нужно больше, чем где-либо, в силу ее огромных пространств и многих других факторов. Только сила его должна быть точно взвешена, потому что как только государство становится чрезмерно мускулистым, общество начинает хиреть, и наоборот - при слабом государстве общество тоже дышит на ладан.

Ельцин сумел нарушить этот своеобразный социальный аналог закона сохранения вещества. При нем и государство захирело, и общество доведено до ручки.